

ЧТО ПРИНЕС ЭКСПЕРИМЕНТ

ЕЩЕ задолго до приезда в Москву коллектива Свердловского театра оперы и балета расклеенные по городу афиши, извещающие о балетном спектакле «Бесприданница», вызвали необычайный интерес. Островский — в хореографическом спектакле! Смело, ново, любопытно!

Невольно возникал вопрос — какими хореографическими средствами балетмейстер раскрывает содержание произведения великого русского драматурга, как созданы бытовые образы такого «пожилого человека из крупных дельцов», как Кнуров, или молодого купчика Вожеватова — одного «из представителей богатой торговой фирмы», «блестящего барина из судовладельцев» Паратова или небогатого чиновника Карандышева?

И вот мы увидели спектакль. По сцене в длинных сюртуках, в поддевках, высоких сапогах, в картах разгуливали купцы. Они «разговаривали» друг с другом, жестикуют, выражали различные ощущения, пили шампанское, смотрели убогое представление балагана. Вышли на классических пуантах барышни со своими мамашами, сделали несколько танцевальных движений, и тут же их хореография «отцвела, не успев расцвести».

Мелькала сцена за сценой, в которых единственному действующему лицу — Ларисе были «отпущены» балетмейстером танцевальные дуэты, отвечающие требованиям балетного спектакля.

Короче говоря, добрая половина спектакля предстала в виде пантомимы, в которую изредка были вкраплены танцевальные эпизоды.

Вторая половина спектакля оказалась более насыщенной танцами. Колоритно решенный бал на помолвке у Карандышева, выразительный «танец-романс» Ларисы, наполненный большим чувством, дуэты в саду Ларисы и Паратова, живописные пляски цыган на фоне костров за Волгой — все эти

«БЕСПРИДАНИЦА» НА БАЛЕТНОЙ СЦЕНЕ

сцены поставлены балетмейстером Г. Язвинским с большой изобретательностью. Здесь драматургия, чувства, взаимоотношения героев раскрываются во многом средствами танца.

Труднейшей задачей для артистов явилось создание образов, не обычных для балетного спектакля. И все же надо отдать справедливость — многие из них весьма успешно справились с этой задачей.

В первую очередь это относится к артисту Ч. Жебраускасу — исполнителю роли Карандышева, образ которого в данном спектакле предстает в своеобразном плане. Жалкий, смешной в своем честолюбии и простодушной ничелности Карандышев в трактовке артиста вырастает до фигуры большого трагического звучания. Выразительно доносит Ч. Жебраускас трагическую «речь» опьяневшего Карандышева на балу и позже — осознание им свершившейся катастрофы — погоню Ларисы с Паратовым. Здесь каждое движение артиста ярко раскрывает внутреннее состояние его героя.

Много искренности, душевной чистоты в игре С. Тарановской — исполнительницы роли Ларисы. Все танцевальные дуэты и особенно сольный «танец-романс» одухотворены, исполнены с необыкновенным лиризмом и изяществом.

Недостаточно выявлен постановщиком колоритный образ Вожеватова. Однако и при отсутствии необходимого драматургического материала исполнителю этой роли Н. Могунову удается нарисовать одну из характерных черт молодого купчика — его разгульную бесшабашность, когда, опьянев, он упоенно пускается в пляс вместе с цыганами.

Исключительно средствами пантомимы создан в спектакле образ Кнурова. В этом плане его неплохо играет А. Новиков.

К сожалению, в спектакле не найдены средства для обрисовки важного персонажа произведения — Паратова. Он выглядит стандартным балетным кавалером.

С юмором и тактом исполняет Робинзона Л. Дубанин. Обеднена красками характерная фигура матери Ларисы — Огудаловой (Э. Крулова).

Великолепно, с захватывающим темпераментом танцует М. Таубэ (Илья, цыган). Хороша и его партнерша А. Березовская (Стеша, цыганка).

Большого одобрения заслуживают артисты, сумевшие создать в массовых сценах, особенно в эпизодах на балу, характерные, запоминающиеся образы.

Композитор А. Фридендер написал впечатляющее музыкальное произведение, красочное, хотя местами излишне пестрое, но тем не менее напоенное мелодикой, в большой мере передающее атмосферу, бытовой колорит эпохи.

Талантливое оформление художника Н. Ситникова переносит зрителя в живописные просторы Поволжья.

Спектакль «Бесприданница», показанный коллективом Свердловского театра оперы и балета, — смелый эксперимент. Он свидетельствует о пытливости коллектива, о неустанных поисках, о стремлении добиваться новых решений. И все же нельзя не поставить вопрос: следует ли в поисках новых путей для балета избирать сюжеты, взятые из произведений такого драматурга, как Островский? Можно ли его пьесы, сильные своим социально-психологическим содержанием, раскрывать средствами хореографии?

Мне думается, что эта необычайной сложности задача может быть успешно решена только в том случае, если наши балетмейстеры сумеют найти соответствующую хореографическую форму, в которой художественно оправданно будут сочетаться танец и пантомима при условии, что танец во всех его разновидностях, разумеется, и будет основой балетного спектакля.

Викторина Кригер,
заслуженный деятель искусств.

«Воскресная
Москва»

25.VI.58